

A woman with pale skin and dark hair, wearing a black latex suit and a black cape, sits atop a large, intricate mechanical horse. The horse is constructed from dark metal with visible gears, pistons, and chains. They are in a dark, industrial landscape with tall, rusted metal towers and power lines in the background. Blue lightning bolts are visible in the sky. The ground is wet and reflective.

Олег Чуманов

Печать

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Чуманов

Печать

«Автор»

2026

Чуманов О. А.

Печать / О. А. Чуманов — «Автор», 2026

Эпическое техно-фэнтези, которое знает о себе всё и громко над этим смеётся. Здесь нет избранных в сияющих доспехах и спасения мира силой любви. Здесь спасение мира — это грязная, потная, абсурдная работа, которую приходится делать тем, у кого нет времени на пафос, потому что им нужно просто удержать камень. Циничные ведьмы, сломанные принцессы, бюрократия преисподней и рыцари, которые читают устав, когда вокруг рушится реальность. Книга деконструирует всевозможные тропы, сталкивая высокое с низменным, а сакральное — с ржавым.

© Чуманов О. А., 2026

© Автор, 2026

Олег Чуманов

Печать

Олег Чуманов

Печать

Глава 1. Третья стража

Титановые наплечники, царапина на левой пластине, полимерный камзол, меч в ножнах на поясе. Рыцарь-андроид Бертран сидел в архиве западной башни, под сводом, где из щели капала вода и падала на пустой ларец. Перед ним лежали три списка: мощи, которых не хватало; печати, которые не держали; имена, которые не читались. Искусственный пергамент крошился под пальцами, как старая изоляция. Чернила выцвели там, где их касалась влага.

Печать треснула на третьей страже — тихо, как остывает перекалённое стекло. Бертран услышал это не ушами: в нагруднике щёлкнуло, по позвоночным швам прошёл низкий звон, и волосы на затылке встали разом, собрав статику. Теперь он в библиотеке листал невнятные книги в поисках знаний о Печати.

Сверху донёсся колокол. Удар. Второй. Потом звук оборвался, словно язык колокола перехватили рукой.

В замке Ляп обычно не били в колокол без приказа. Приказ отдавать было некому: комендант уехал в столицу с последней грамотой, капеллан заперся в часовне, а рыцарей осталось трое — если считать того, чей корпус уже неделю горел в перегреве над Печатью.

Бертран открыл свиток: «...и если артефакты не сыщутся, печать удержит не камень, а тот, кто стоит». Он перечитал. Слишком похоже на правду.

Замок торчал на базальтовой гряде, как старый перстень на сгнившем пальце. Семь башен. Стены шириной с телегу. Одной не хватает. Ров, высохший ещё при дедах. Внутри — гулкие залы, где знамёна давно съела моль, а на их месте с балок свисали кабельные косы. В часовне под алтарём гудели серверные стойки; зимой братия грелась у них, как у печей. Под часовней — Печать.

Целые скобы на Печати. Одной не хватает. Сбежавший караул. Приказ, который не нужно выдумывать самому.

Знамена начались с малого. Сначала осыпались кристаллы на окне южной башни: потускнели и легли на подоконник серой пылью. Потом роботы перестали лаять. Потом повара — этот подлый крепостной робот — вынес из кухни нож и полчаса точил его о стену, не мигая. Бертран отобрал нож. Лезвие было тёплым...

В караульной пахло копотью и мокрым железом. Два брата-сержанта стояли над столом, деля огниво. Один держал, второй бил кресалом по пальцам. Третий удар пришёлся по суставу. Из-под кожи выступила тёмная жидкость — не кровь, смазка с присадками. Оба замерли, глядя на каплю, упавшую на доски.

Бертран забрал огниво и положил на стол.

— Идите к стене, болваны.

Они пошли. Спина у одного была слишком прямая, у другого — слишком согнутая. Бертран смотрел им вслед и думал о тленности мироздания...

В одном манускрипте брата Ансельма, между рецептом ладана и перечнем грехов, была приписка мелким почерком:

"Когда камень запоёт, ищи болотную. Она слышит, как рвутся нити."

Брат Ансельм писал это за сто лет до Бертрана и, судя по кляксам, торопился.

Болотную ведьму поймали три дня назад у часовни: она выгребала железные опилки из-под третьей скобы и собирала их в подол. Капеллан велел бросить её в ров. Никто не спросил, зачем ей опилки. А стоило бы. Сегодня она собирает опилки, завтра трескается Печать... Не замок, а проходной двор. Может комендант всё-таки выбьет в столице финансирование на восстановление северной стены.

Бертран взял фонарь, моток верёвки, пластиковую трость. Меч оставил на столе — потом подумал и пристегнул. Не для ведьмы. Для того, кто мог стоять между ним и ведьмой.

Лестница вниз шла по внутренней стороне стены, стёртая посередине тысячами ног. Ров под южной стеной не видел воды сто лет: на дне лежала окислая пыль, битая черепица, сгнившие оплётки кабелей. Туман здесь не поднимался — скапливался, густой и белёсый, как эмульсия из контуров охлаждения. Фонарь выхватывал из него кусок стены, ржавую решётку водостока, белые следы конденсата.

Она сидела в нише водостока, привалившись спиной к стене. Толстый капюшон из чёрной резины облегал голову, мягкий кант у лица блестел от влаги. Подол плаща был местами разодран, из-под него виднелись высокие резиновые сапоги — тёмные, с металлическим блеском. На шее — железный ошейник, от которого свисали звенья цепи, тихо позвякивая при любом движении. Перед ней в пыли лежал осколок кварца.

Она не попыталась встать. Только повернула голову; в шее щёлкнуло сухо, как без смазки.

— Трость притащил, — сказала ведьма. — Значит, ещё не решил, как со мной разговаривать.

— Мне нужна информация о состоянии Печати.

— О, какой вежливый. Сразу к делу, без приветствий. Тебе что, устав велит так говорить, или ты просто не знаешь других слов?

Бертран поставил фонарь на камень. Свет упал ей на лицо: бледное, с тёмными разводами грязи, без румянца. Из-под капюшона не выбивалось ни волоса. Резина сидела так плотно, будто голова под ней была отлита вместе с ней.

— Ой, простите, леди, что не представился... Я — Бертран Дюхуа, барон Сикоморских!

— Сикоморских чего?

— Ничего. Просто Сикоморских. Фамилия такая.

— А-а, Сикоморских болот. Ты тоже болотный. — засмеялась она.

Бертран зацепил тростью её цепь и слегка притянул её голову.

— Слушай, как тебя там...

— Едьма.

— Слушай, Едьма! Ещё раз скажешь, что я рыцарь болот - этого вашего ведьмария... погоди, ты что - ведьма Едьма?

— Сам ты ведьма. - Едьма швырнула в него кристалл кварца, который отскочил от лат и вернулся к ней в руки. - я волшебница второго квантового уровня.

— Печать дала трещину на третьей страже. Мне нужны данные о причине и способах восстановления целостности.

— Данные, данные... — она покрутила в пальцах кристалл. — Ты думаешь, милоч, я тебе сейчас протокол выдам? С подписью, с печатью, чтобы ты потом в архив сдал?

— Я думаю, что ты знаешь больше, чем те, кто тебя в ров бросил.

— О, это точно. Я знаю, что она дышит. Слышишь? — она подняла палец, замерла. — Нет, ты не слышишь. У тебя уши для приказов, а не для этого.

Где-то над ними, в толще стены, прошёл низкий гул. Пыль на дне рва дрогнула и легла ровнее.

— Что это было?

— А вот это уже другой разговор. Это не трещина. Это она вдохнула.

— Объясни.

— Не объясню. Ты же не спрашиваешь, почему железо ржавеет, когда его мокрым оставляют. Ты просто знаешь — оставишь, заржавеет. Вот и тут. Оставили без присмотра — дышать начала.

— Как остановить процесс?

Ведьма перестала перебирать осколок. Под капюшоном щёлкнуло — тихо, как сустав пальца.

— А ты не спрашиваешь, можно ли.

— Время не позволяет обсуждать гипотетические сценарии.

— Ох, какой ты... — она усмехнулась, и усмешка не коснулась глаз. — Поздно было вчера, рыцарь. Сегодня — в самый раз.

Она протянула руку ладонью вверх. На перчатке темнели старые ожоги, а в ложбинке между большим и указательным пальцем сидел крохотный кристалл, вросший, как зерно.

— Печать не ломается, милый. Её отпирают.

— Ключей в каталогах нет.

— Ключей всегда нет у того, кто снаружи. А внутри — сколько хочешь.

Бертран вспомнил пустые ларцы, выцветшие строки, капеллана, который третий день не звонил к заутрене.

— Кто находится внутри?

— О, теперь ты спрашиваешь, как тот, у кого есть доступ. Кто внутри? Ад внутри. А кто из Ада рвётся наружу?

— Назови.

— Имя? — она наклонила голову, и капюшон блеснул в свете фонаря. — У тебя есть метка — рыцарь третьего класса, кристалл возврата в нагруднике. А у них... у них то, что ты им дашь, когдапустишь.

— Не дам. Потому что не впущу.

— Непустишь. А они сами войдут. Печать-то трещит...

— Как это остановить? Что ты хочешь за информацию?
— Кристалл возврата. Маленький, чистый, с родовой меткой. Ты его носишь, как богатые — перстни, чтобы было что потерять.

Бертран положил ладонь на нагрудник.

— Кристалл возврата — это не предмет торга. Это резервная система восстановления.

— А я тебе и не предлагаю торговать его. Я предлагаю разбить.

— Разбить? Это необратимое повреждение.

— Вот именно. Необратимое. Ты станешь однократным. Как все мы.

Он слушал, как в фонаре шипит масло. Где-то в замке ударил колокол — один раз, глухо, и стих. Не по тревоге. По мёртвому. По тому, который перегрелся.

— Если я отдам кристалл, моя конфигурация станет уязвимой к необратимому стиранию.

— О, как ты красиво говоришь про смерть. «Необратимое стирание». А проще — умрёшь и всё. Как все.

— Ты требуешь, чтобы я принял риск финального отключения.

— Я требую, чтобы ты перестал врать себе, что ты бессмертный. Печать держат не многогозовые, рыцарь.

— Предложи альтернативу. Кварц из часовни. Железо первой скобы. Моё слово.

— Слово? — она фыркнула. — Слово высшего класса можно переписать. Кварц я и так возьму, когда вас не станет. А первая скоба вообще где — ты сам хоть знаешь?

— Тогда что ты получишь с моего кристалла?

— Ничего. Мне нужно, чтобы ты его разбил. Сам. Своими руками.

Бертран посмотрел на её руки: грязь на резиновых перчатках, вросший кристалл. Звенья цепи на ошейнике тихо звякнули, когда она подалась вперёд. Ведьма не просила. Она ждала.

— Если я откажусь?

— Тогда к утру замок будет полон братьев, но не твоих. Печать откроется изнутри, и никто не успеет поднять руки. А ты так и будешь стоять с целым кристаллом — мёртвый, но с резервной копией.

— Ты угрожаешь?

— О, нет, я описываю. И описание не зависит от того, веришь ты мне или нет.

Бертран задумался. Потом расстегнул нагрудник. В гнезде из проводов, между рёберными пластинами, лежал кристалл размером с фалангу пальца. Он светился изнутри ровным тёплым светом, как окно, за которым кто-то ждёт.

— Держи.

— Не я. — она кивнула на каменную плиту у её ног. — Положи на камень. И разбей мечом. Чтобы я видела, как ты это делаешь.

Кристалл лёг на камень. Перед глазами встал архив: пустой ларец, перечёркнутая строка, спина коменданта, уезжающего без оглядки. В караульной капля падала на пол, и оба сержанта смотрели на неё, будто на знамя.

Он поднял меч и ударил. Раздался высокий чистый звук, не похожий на звон стекла. В груди у Бертрانا оборвался гул. Он не замечал его, пока тот не стих.

Осколки упали в пыль и погасли. Ведьма подняла один осколок, посмотрела сквозь него на фонарь и спрятала в подол.

— Ну что, дорогой мой, — сказала она, и голос стал тише, почти ласковый. — Теперь ты однократный. Пойдём, начнём с архива.

Над ними, за толщей камня, Печать дала вторую трещину.

Глава 2. Давитель

Трещина прошла по своду низким звоном, пыль с рва легла ровнее, и ведьма уже шла к лестнице — подол, цепь, осколок в кулаке.

— Архив, рыцарь. Твои списки врут дырами.

Они поднялись по лестнице. Западная башня. Свод, где капало на пустой ларец.

Контур на входе в архив опасно заискрился при приближении Едьмы. Она полностью закуталась в свой резиновый плащ, чтобы изолировать цепь, и даже натянула капюшон плаща так, что он полностью закрыл голову. Высунула руку в щель плаща, за которую Бертран и провёл её через утихший контур.

Три списка на столе: мощи, печати, имена. Едьма не тронула списки. Запустила руку в ларец, выгребла крошку пергамента, вытащила тетрадь в кожаном корешке — того же брата Ансельма, у которого между ладаном и грехами была приписка про болотную. Страницы дальше ладана он, видно, уже не читал. Там начиналось другое.

Почерк мелкий. Кляксы. Торопился, как всегда.

Бертран поставил фонарь. Едьма ткнула пальцем в абзац.

— Читай. Вслух.

Он читал, как рапорт.

«Давители верят, что в древние времена в их края пришёл плохой и злой, и собирался их всех уничтожить, но внезапно на него упал огромный камень и раздавил. С тех пор они поклоняются этому камню, который они называют Давителем, и который лежит недалеко от их деревни Зелёные Порося.

А со временем в этой деревне возникла секта Додавителей, считающих, что надо хотя бы раз в год додавливать Давителя, чтобы он сильнее придавливал того плохого и злого.

Для этой цели они каждый год в день окончания сбора урожая выбирают деву с самой массивной жопой с тем, чтобы эта дева (которую они называют Жопесса) ударяла своей жопой сверху по Давителю, тем самым додавливая его.

Размер жоп измеряют специальным священным циркулем, который хранится в Храме Великой Жопы.

Однажды, во время 83 церемонии жопометрии одну из дев поймали (довольно случайно и лучше не рассказывать — как) на допинге — она засунула себе в жопу круглое оструганное полено с целью увеличения размера. И теперь девы-претендентки должны демонстрировать коллегии выборщиков свои жопы исключительно в обнажённом виде. С тех пор эта церемония называется Урожайный Голожопус.»

Бертран закрыл тетрадь. Полимерные нити на затылке снова собрали статику.

— Это не данные о состоянии Печати.

— О, какая свежая мысль. Это аллегория, милый. Ансельм не мог написать «внутри сидит то, чего вы боитесь», капеллан бы сжёг. Написал про жопы. Капеллан думал, это про урожай. Капеллан дурак.

Она открыла тетрадь снова, ткнула в первую строку.

— Плохой и злой — тот, кого вы впустили. Или ждали. Или забыли, что впустили. Камень — это Печать.

— А что за Порося? Непонятное слово...

Деревня Зелёные Порося — ваш замок, ваши списки, ваши колокола. Поклоняются камню, а не тому, что под ним. Потому что под ним смотреть не хотят.

— Додаватели?

— Вы. Караул. Скобы. Третья стража. Кто считает, что мало уронить камень один раз — надо прижимать каждый год, иначе плохой и злой вылезет и всех снесёт. Жопесса — тот, кто стоит. Масса на камень. Не титул, не кристалл, не резервная копия. Задница. В смысле — вес. В смысле — ты, когда ломаешь возврат и остаёшься однократным. Циркуль из Храма Великой Жопы — твои каталоги: мощи, печати, имена. Измеряют, кто годится давить. Кто больше — тот давит.

Он положил ладонь на нагрудник. Гнездо пустое.

— Полено.

— Полено, рыцарь. Восемьдесят третья жопометрия, дева с оструганным бревном внутри. Увеличила размер. Обманула циркуль. Полено — это символ стремления победить любой ценой, порвать свою жопу, но добраться до Давителя, то есть, Печати. А ещё полено — это артефакт — оно ведь оструганное. Тут тонкость — нужно держать Печать не голыми руками. Циркуль на то же намекает.

Бертран молчал дольше положенного.

— Если перестать додавливать?

— Камень не удержит. Плохой и злой встанет. Деревня кончится. У вас это называется: Печать откроется изнутри, братья не узнают друг друга, замок полон тех, кто забыл имя. Ансельм просто назвал это жопой. Нагляднее протокола.

Сверху капнуло на ларец. Едьма захлопнула манускрипт, сунула за пазуху.

— Вот кого вы ждёте, барон Сикоморских. Не Жопессу. Того, кто под Давителем. Пока давите — он плоский. Перестанете — он ваш гость. Вторую трещину ты уже слышал. Третью будешь держать сам. Или расплавишься. Мне всё равно, каким концом ты надавишь. Главное — без артефактов у тебя недолго получится.

Он смотрел на пустые ларцы. На недописанную строку. Слишком похоже на правду. Только в манускрипте правда была с циркулем и деревней Зелёные Порося.

— Артефакты, — сказал он. — Без них массы недостаточно.

— Вот. Уже понимаешь. Идём. Камень запоёт громче, если мы тут ещё будем чесать языками про урожай.

Глава 3. Выжженные земли

Камень под ладонью Едьмы вибрировал. Ритм сбивался. Она убрала руку. Поверхность камня была горячее. В Печати расширялась трещина, ища новые пути. Давление от нижних уровней росло.

— Ядро выходит за рабочий диапазон, — Бертран не смотрел на неё, глядел в стену. — Меня недостаточно.

— Я даже слышала, как ты кипел. Надо искать артефакты, которые тебе помогут, дорогуша. Без них трещина сожрёт тебя быстро.

— Ну продолжай-продолжай - что за артефакты? Зачем артефакты?

— Криохват заморозит, Гномоскоба охватит, Венцевязь свяжет. Понятнее стало?

Бертран вынул из кармана доспеха ключи, протянул ей.

— Мой робоконь у северной башни. Датчик готовности мигает красным. Проведи ладонью — он поднимется.

— А ты?

— Буду держать Печать, пока не вернёшься. Или пока не расплавлюсь.

— Я вернусь, милый рыцарь, не с пустыми руками. - Едьма взяла ключи.

Она выехала через пролом в северной стене. Робоконь здоровенным прыжком перепрыгнул ров и двинулся, выравнивая шаг под её вес. За спиной кончился замок. Началась пустошь. Песок, оплавленный до стекла. Ржавые опоры, уходящие в серое небо. Провисшие провода. Мёртвая высоковольтная подстанция тянулась до горизонта. Едьма ехала между бетонными основаниями. Робоконь ступал осторожно, обходя острые края. Изоляторы над головой покрылись конденсатом. Капли падали на её покрытую голову, шипели. Где-то вдалеке вспыхнул и погас коронный разряд.

Подстанция кончилась внезапно. Начались руины. Стены из спёкшегося песка. Колонны, изогнутые жаром. Площадь, выжженная до зеркального блеска.

Робоконя остановила у уцелевшей колонны. Спрыгнула. Сапоги звонко шлёпнули о камень.

В тени колонны сидела женская фигура. Едьма подошла ближе.

Золотые волосы, слипшиеся от пыли и перегрева. Лакированный комбинезон цвета синий металл, потрескавшийся на сгибах локтей и коленей. Поверх — золотой плащ, застёгнутый на ворота тяжёлой сапфировой пряжкой. Пальцы правой руки перебирали мелкие осколки кварца, лежащие на коленях. Левая рука отсутствовала.

Гиноид подняла голову. Красоту её белого лица с ярко-синими губами слегка портил глубокий шрам, проходивший через пустую левую глазницу.

— Ты не из локальной сети? — голос тихий, с металлическим призвуком на высоких частотах. Паузы между словами выверенные, как у машины, подбирающей лексику.

— Нет.

— Из замка? Тяжеловоз у тебя военный.

— Верно, милочка. Как тебя зовут?

— Игнесса.

— А меня - Едьма. Ты - та самая Игнесса? Дочь последнего Дракона и Снежной королевы?

Игнесса медленно вытянула правую руку. Разжала ладонь. Из сочленений пальцев вырвалась струя пламени. Золотая, с синей окантовкой. Тихая, без дыма. Камень под ладонью треснул, почернел и начал плавиться, стекая в маленькую лужицу. Пламя погасло. Гиноид посмотрела на обугленный камень.

— Правая рука компенсирует теплопотери. Я не горю. Я отдаю избыток. А должна была его забирать левая...

— О, я знаю, читала - правая рука - Термохват Дракона, левая рука – Криохват Снежаны. Левая генерирует жидкий азот. Замораживает перегрев. Слушай внимательно, милая Игнесса. Печать в замке трещит по швам. Хранитель Печати перегревается. Ему нужна твоя левая рука - Криохват, - чтобы заморозить Печать и остановить разлом. Где ты её потеряла?

Игнесса замерла. Синий глаз сузился.

— Я ничего не теряла...

Глава 4. Муторный лес

Игнесса долго молчала. Сапфировая пряжка на шее тускло блестела в рассеянном свете. Потом она подняла правую руку и провела пальцами поверх плаща на месте левого плеча.

— Их было трое. Эльфы. Мы с ними тогда сильно выпили...

— О, у эльфов без этого ни один день не обходится.

— Я плохо помню... Что-то вроде они меня как-то достали своими дебильными шуточками... А мы же сидели у Неугасимого Пламени - ты же знаешь про Неугасимую Пламень?

— Ой, я тебя умоляю... Все знают - огонь, горящий от начала времён, который ничем нельзя потушить. Эльфы на нём самогоны гонят. Давай дальше - достали тебя своими подколками, а ты что?

— Ну, я психанула... Добавила им ещё пламени... Один извернулся - засадил мне в глаз своим эльфийским клинком... Очнулась я уже тут - правая рука придавлена упавшей колонной, левую как раз демонтировали... Сказали — охлаждать эликсиры свои креплённые... Один из них ещё пошутил: «пусть у тебя будет одна сильная сторона».

Едьма усмехнулась. Про себя.

— Садись на коня, дорогуша, поехали.

— Куда? Ты знаешь, где они?

— В Муторный лес, ты же сама сказала про Неугасимую Пламень.

— Я просто не помню, как туда попала – пить-то мы начали уже тут.

Игнесса поднялась. Левая стопа подвернулась, она покачнулась, уперлась правой рукой в колонну, выпрямилась. Заправила золотые кудри под капюшон плаща. Едьма подошла к роботу, провела ладонью по датчику. Тот пикнул, суставы щёлкнули. Машина поднялась, стряхнув с седла пыль.

- Садись сзади. Я поведу.
- Ты знаешь дорогу?
- Милая, я сто лет тут хожу...

Едьма села впереди, взяла повод — тонкий кабель, уходящий в шею робокона. Игнесса забралась в седло — неловко, с помощью Едьмы, цепляясь единственной рукой за край резины седла. Машина тронулась, выравнивая шаг под двойной вес. Они ехали через руины, потом через 4-ю подстанцию. Провода над головой гудели — ниже, чем утром, будто устали. Изоляторы плакали конденсатом. Где-то вдалеке мигал коронный разряд — синий, тихий, как вспышка светлячка.

Муторный лес начался там, где кончались бетонные основания подстанции. Началось другое — оптоволоконный массив, густой и запутанный, как лианы. Тонкие кабели паутиной свисали с ржавых опор, переплетались, уходили в землю, снова выныривали. Свет здесь был другой — рассеянный, зеленоватый, как сквозь воду. Воздух пах озоном и чем-то сладковатым — перегретой изоляцией.

Робоконь ступал осторожно, перешагивая через кабели. Игнесса смотрела по сторонам — синим взглядом.

- Красиво, — сказала она.
- Да, — Едьма усмехнулась. — Это не твоя выжженная пустыня. Выжженная тобой пустыня...

Они ехали долго. Кабели становились гуще, свет — тусклее. Где-то в глубине массива кто-то смеялся — громко, с икотой, как пьяный. Потом ещё кто-то. Потом — хор:

- Три весельчака мы!
- Хей, хей, хей.
- Пьём и веселимся
- Каждый день.

Едьма остановила робокона у поваленной опоры. Спешилась, помогла Игнессе.

Впереди, на большой поляне, окружённой переплетёнными кабелями, каменные пни, вырезанные как кресла, окружали Неугасимую Пламень. Над Пламенью пыхтел перегонный куб.

На пнях сидели трое эльфов. Высокие, худые, с длинными пальцами. Полимерные лица высшего класса — безупречные, с тонкой работой сенсоров. Волосы — длинные, светлые, у одного — зелёные, у другого — серебристые, у третьего — переливающиеся, как перламутр. Одежда — из тонкой полимерной ткани, местами оплавленная. На шеях у всех — ожерелья из кристаллов, под цвет волос. В руках кубки с "волшебным" эликсиром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.